

MANO PRISIMINIMAI APIE NIKOLAJŲ GUSEVĄ

E. LEVINSKAS

Kai 1913 metais aš ypatingai pamilau L. Tolstojų, man tapo nepaprastai brangūs ir jo artimieji bičiuliai-vienminčiai: V. Čertkovas, P. Biriukovas, I. Gorbunovas-Posadovas, M. Smidt ir kiti, bet ypatingai man tapo brangus N. Gusevas. 1914 metais aš perskaičiau jo knygą „Два года с Л. Н. Толстым“. Iš tos knygos daug ką sužinojau apie Tolstojų, o taip pat ir apie N. Gusevą.

Griuvus caro valdžiai, Tolstojaus vienminčiai įsteigė Maskvoje „Levo Tolstojaus atminimo Vegetarų draugiją“ ir didelę vegetarišką valgyklą. Buvo ir didelė salė, kurioje padažniai būdavo daromi dvasinio pobūdžio pranešimai bei paskaitos. Jas skaitydavo V. Čertkovas, I. Gorbunovas-Posadovas, P. Biriukovas, N. Gusevas ir kiti. 1928 metais tos draugijos valdybai aš nusiunčiau trumpą savo gyvenimo apybraižą, kurioje papasakojau, kas mane privėdė prie Tolstojaus ir kaip Tolstojaus moraliniai raštai mane padarė laimingą. Valdyba tą mano apybraižą perskaitė Vegetarų draugijos salėje susirinkusiems tos draugijos nariams ir nenariams. Po kokių metų ar dvejų aš tą apybraižą nusiunčiau N. Gusevui, ir nuo tada prasidėjo mudviejų susirašinėjimas, kuris truko iki 1967 metų spalio 23 d., kai, eidamas 86-tus metus, jis mirė.

Ypač man labai brangūs buvo jo laišakai Tadžikistane, kur gyvenau ištremtyje su savo šeima 10 metų. Ten mirė mano miela žmona ir jos sesuo, ir likau su paaugliu savo sūnumi. N. Gusevas man atsiųsdavo ne tik gerų laiškų, bet ir labai gerų knygų, ypač jubiliejinio leidimo L. Tolstojaus raštų tomus, ir tai jis darė veltui. . .

Kuo labiau senome, tuo vis labiau kits kitą mylėjome. N. Gusevas jau kitaip į savo amžiaus galą ir nebevadino manęs, kaip bičiuliu, senu bičiuliu, ištikimu bičiuliu, o taip pat aš jį. Daug metų mudu nepaliaudami susirašinėjome, bet asmeniškai nebuvom matęsi. Pasimatėme su juo tik tada, kai 1955 m. birželio pradžioje, grįždami su sūnumi į Lietuvą, sustojome keletui dienų Maskvoje. Patyrėme nepaprastai džiugias minutes. Bet N. Gusevas tą dieną buvo labai užimtas, tad, truputį pas jį pabuvę,ėjome pažiūrėti Tretjakovo galerijos. Susitarėme dar po pietų su juo pasimatyti. Po pietų dar kartą labai nuoširdžiai, bet irgi trumpai pasi-

kalbėjome. Mums trūko lėšų sugrįžti į Lietuvą. Bičiuliškai paprašiau paskolinti neribotam laikui 300 rublių. Jis mielai paskolino.

1961 metų rudenį specialiai buvau nuvažiavęs į Maskvą dar kartą pasimatyti su N. Gusevu ir aplankyti L. Tolstojaus kapo. Maskvoje Gusevo tada nebuvo, jis vasarojo Golicyne. Nuvykau ten. Apsikabinome kaip artimiausi bičiuliai ir labai nuoširdžiai pasikalbėjome. N. Gusevas paprašė papietauti kartu su juo. Paskui jis mane palydėjo į geležinkelio stotį. Ejome susikabinę, abu seni, bet abu kupini nuoširdžios, tikrai broliškos kits kitam meilės.

Rytojaus rytą važiavau į Jasnaja Polianą aplankyti Tolstojaus muziejus, ypač jo kapo.

1967 metų vasarą vėl nuvykau į Maskvą. N. Gusevo Maskvoje nebuvo, bet jis žinojo mano atvažiavimo dieną, todėl prašė savo sekretorių A. Chrabrovickį mane atveždinti pas jį, vasarojusį kažkur netoli nuo Maskvos. Nuvažiavome. Apkabinau savo brangųjį bičiulį ir dabar aiškiai pamaciau, kad jis jau labai paliegęs, nusilpęs. Gal ir nemandagu, bet neiškenčiau nepaklausęs, ar įstengs dar 5-į L. N. Tolstojaus tomą sudaryti. „Ne, nebeįstengsiu“, — atsakė jis ramiai.

Tą dieną galėjau artimai ir įdomiai pasikalbėti su Nikolajum Nikolajevičium. Paskui išėjome į kiemą, kur mudviejų jau laukė jo sekretorius su savo žmona. Nikolajus Nikolajevičius ir jo žmona mus palydėjo iki gražios sodybos vartų, ir aš, kaip paskui pasirodė, paskutinį kartą atsisveikinau su karštai mylimu bičiuliu. Beje, tąkart Nikolajus Nikolajevičius, prieš išeidamas su manimi į kiemą, dovanojo man įdomią knygą: «Толстой — редактор», Публикация редакторских работ Л. Н. Толстого, Изд. «Книга», Москва, 1965.

Galiu pasakyti, kad knygų, savo ir kitų autorių, Nikolajus Nikolajevičius man daug dovanojo per mūsų bendravimo laikotarpį.

Prieš išvažiuodamas iš Maskvos namo, aš paprašiau N. Gusevo sekretorių telegrafuoti man, jeigu Nikolajus Nikolajevičius numirtų. Sekretorius tai padarė, ir todėl galėjau nuvykti į Maskvą ir ten dalyvauti didžiai man brangaus žmogaus laidotuvėse.

N. Gusevas buvo brangus ir mylimas ne man vienam. Jis buvo literatūrinis L. Tolstojaus sekretorius, jis buvo geriausias Tolstojaus biografijos žinovas.

Zagarė, 1969.V.15

Работая над диссертацией «Лев Толстой и Литва» автор настоящей заметки получила от бывшего литовского учителя, известного «толстовца» Эдвардаса Левинскаса много интересных сведений о распространении религиозно-этического учения Толстого среди литовцев.

Э. Левинскас (1893 г. р.) переводил на литовский язык народные рассказы Л. Толстого, его публицистические статьи («Ответ Синоду», «Обращение к духовенству» и др.), издавал их отдельными книжками на свои и собранные средства. В до-

советской литовской периодике он напечатал ряд статей о личности и творчестве Л. Толстого.

В 1923—1924 гг. Э. Левинскас издавал журнал «Atgimimas» («Возрождение»), в котором пропагандировалось религиозно-этическое учение Толстого. Это издание было прекращено из-за цензурных преследований (вышло 2 номера).

Еще в конце 20-х годов Э. Левинскас начал переписываться с В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым, В. Ф. Булгаковым и Н. Н. Гусевым. С последним он не раз встречался, общение с ним длилось до смерти Николая Николаевича. И сегодня в скромной комнатке Э. Левинскаса рядом с портретом Л. Толстого висит портрет Н. Н. Гусева.

Краткие воспоминания о знаменитом биографе Л. Толстого, которые Э. Левинскас предпосылает к публикации своей переписки с В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым и Н. Н. Гусевым, представляют несомненный интерес. Публикация писем видных спутников Л. Толстого, в которых содержится своеобразная характеристика личности великого писателя, проливает свет и на степень жизнеспособности этических идей Толстого.

Февраль, 1969

Б. МАСИОНЕНЕ,
аспирантка кафедры русской литературы ВГУ

Письмо Э. Левинскаса к В. Г. Черткову от 20 августа 1930 г.

Дорогой Владимир Григорьевич,

Недавно я послал вам открытку и просил вас написать в ваших общих письмах свое мнение о Ганди и его деятельности. Теперь же я вас буду просить написать свое мнение о В. Ф. Булгакове, т. е. не столько о В. Ф. Булгакове и его деятельности, сколько о самосовершенствовании и общественной деятельности. В. Ф. самосовершенствования не отрицает, напротив, говорит, что оно необходимое, нужное, но, по его мнению, этого еще мало. Нам надо, говорит он, выйти из пассивного состояния, что какие-то сознательные, активные усилия должны быть добавлены нам для борьбы с социальным и общественным злом. Мы, «толстовцы», говорит он, непоследовательны: одно говорим, а другое делаем: теоретически отрицаем так наз. «общественную деятельность», а практически часто охотно отдаемся ей (коммуны, журналы, издательства, вегетар. об-ва, столовые и т. д.). Я ему писал так: «Я не вижу этой непоследовательности. Если мы не признаем общественной, насильнической революционной и др. подобных общественных деятельностей, то из этого еще не следует, что мы не признаем общественной деятельности вообще,—такой деятельности, которая не противна нашей совести, нашим религиозным убеждениям. Конечно, самая главная

* Редакция сборника выражает благодарность Э. Левинскасу за предоставление писем для опубликования.

деятельность, как это и вы признаете, есть деятельность внутренняя, работа души, но если из этой внутренней работы вытекает такая общественная деятельность, как издательства, журналы, вегетар. об-ва и т. д., то всему этому мы должны только радоваться и работать над собой еще усерднее. Только нам надо не забывать, что всякая плодотворная общественная деятельность должна быть не целью, а последствием нашей внутренней работы над собой. Мне это так ясно, что я прямо не понимаю, в чем тут разрыв между теорией и практикой».

Вчера я прочел брошюру В. Ф. Булгакова «Толстой, Ленин, Ганди» (брошюру я вам присылаю). Прочел и удивился. Больше всего удивился, когда прочел 13—14 стр. Читатель, не знающий Толстого, может подумать, что Толстой проповедует только **личное** самосовершенствование, что в его учении есть догмы, что в положительной стороне его мировоззрения чего-то нехватает и т. д. Между тем, как сам Л. Н. Толстой говорит: «Очень часто случается слышать и читать споры и рассуждения о том, что должно быть целью человеческой жизни: внутреннее нравственное совершенствование или служение человечеству, установление царства Божия. Спор этот никогда не может быть разрешен, потому что обе стороны справедливы: и та, и другая цель поставлены перед человеком и человечеством. И одна цель не только не исключает другую, но, напротив, обе совпадают и одна обуславливает другую... Одинаково ошибается и не исполняет своего назначения тот, кто стремится к улучшению жизни людской, к установлению царства Божия, не устанавливая его в себе, как и тот, кто стремится к такому личному самосовершенствованию, которое не имеет целью установление царства Божия вне себя».

В. Федоровича я очень люблю, но смущен тем, что он пишет то, что пишет. Очень бы хотелось мне знать ваше мнение о его отношении к Толстому.

Ваш молодой брат по духу
Эд. Левинкас

Письмо В. Г. Черткова к Э. Левинкасу от 4 сентября 1930 г.

Дорогой Эдуард Левинкас,

Письмо Ваше от 20 авг., а также и ту открытку, в которой Вы спрашивали о Ганди, мною получены.

Не взыщите, что я так долго задержал ответ на открытку, я просто не имел возможности. Теперь вокруг меня спокойнее и я Вам отвечаю на оба письма.

Движение Ганди меня в высшей степени радует. Самого Ганди я в высшей степени уважаю и люблю. Мне кажется только, что он позволяет заслонять в себе непосредственный свет от всеобщей Силы жизни соображениями политическими. Относительно движения, оно, кажется, страдает тем же свойством, каким страдают вообще массовые движения, между прочим и самое сочувственное нам массовое и групповое духовное движение среди сектантов, а именно: люди склонны почти что обоготворять своего духовного вождя, и иногда даже совсем обоготворяют. Оно и понятно. Следовать указаниям вождя легче, чем жить своим умом и сердцем. Но всякие движения, стремящиеся к добру, хороши, и, в общем, все будет хорошо, когда люди искренно стремятся к добру, избегая зла, т. е. не признавая, что цель оправдывает средство.

О самосовершенствовании и общественной деятельности Вы сами так хорошо излагаете ответ на этот вопрос, цитируя Толстого, что я никак не могу сделать это лучше.

О Булгакове скажу только, без всякого недоброжелательства к нему, что он все еще большой ребенок и, как бывают некоторые дети, очень поверхностный, и, к сожалению, тщеславен, а потому слишком самоуверен. Глубину Толстого он не понимает, т. к. никогда достаточно не углублялся в душу его... И вообще мнение его о сколь-нибудь глубоких вопросах не стоит внимания. При всем том, он прекрасный малый, очень добродушен, красноречиво говорит и легко пишет. Н. Н. Гусев прекрасно ответил ему на его брошюру, которая отличается именно этими недостатками, вдобавок еще некоторыми отрицательными чертами.

Благодарю Вас за доброе отношение ко мне, которое вполне обоюдное и с моей стороны.

Ваш старик — брат по духу,
В. Чертков

Письмо П. И. Бирюкова к Э. Левинскому от 12 декабря 1930 г.

- Дорогой Эдуард Левинкас,

Я своевременно получил ваше письмо. Простите, что так долго не отвечал. Вы, может быть, слышали, что я разбит параличем и мне все делать трудно. Я пишу левой рукой и очень медленно. А тут еще скопилась переписка, вот я и задержал ответ. Я очень рад был вашему письму. Рад был и тому, что оно из Литвы, потому что привык относиться с большим уважением к литовскому народу. Я даже думаю, что

Лев Николаевич был литовского происхождения. В его генеалогии есть фамилия: Индрис, а, как мне кажется, это слово литовского склада. Но, конечно, я не придаю никакого значения национальности. Все мы братья.

Отчего вас смущает, что друзья Толстого не вполне согласны между собою? Мне когда-то Лев Николаевич говорил: «Какая была бы скука, если бы все люди были согласны между собою». И мое разногласие не мешает искренно и глубоко любить Владимира Григорьевича, и я надеюсь, что и он меня так же любит. Конечно, если бы разногласие касалось каких-либо основных пунктов, то мы бы просто были различные люди. И все-таки при известной терпимости и взаимном уважении мы могли бы быть друзьями Льва Николаевича. Он был очень широк и в этом его нравственная прелесть.

Как хорошо, что вы его так любите. Если можно, любите его еще больше!

Мне, к сожалению, больше нечего прибавить к тому, что я написал в биографии. Мне было бы трудно опять переживать всю ту цепь мыслей и чувств, которые волновали меня тогда. Быть может, этому причина моя болезнь, но я не могу возвращаться к этому. Когда я писал биографию, я чувствовал большой подъем духа, это было поистине вдохновение, эти минуты повториться не могут. Когда иногда мне приходится взглянуть на эти книги, я не узнаю свою работу. Мне кажется, что это писал кто-то другой. Бог помог мне сделать это. Я воздаю ему хвалу.

Итак, дорогой Эдуард, не сердитесь на меня, если я не вполне удовлетворил вас. Я писал вам от души и любя вас. Будьте и вы ко мне снисходительны.

Любящий вас
Павел Бирюков.

Письмо В. Г. Черткова к Э. Левинскому от 11 декабря 1931 г.

Дорогой Эдуард Левинскас,

Кадзюлис передал мне для прочтения вашу переписку с Бирюковым по поводу «ухода» Льва Николаевича. Мне было очень радостно прочесть то, что вы написали Павлу Ивановичу. Его же письмо к вам меня не удивило. Теперь, что он умер, я могу совершенно искренно сказать про него, что считаю его одним из самых замечательных людей, которых я встречал, и что у него было много выдающихся достоинств, при том много таких, которых именно мне, к сожалению, не достаёт. Я совершенно согласен с ним, когда он вспоминает слова

Толстого: «Какая бы была скука, если бы все люди были согласны между собою». Я даже прибавил бы, что, если было бы на земле два человека, вполне согласных между собою, то один из них был бы лишний. Меня очень тронули добрые слова Павла Ивановича о его искренней и глубокой любви ко мне, и он прав был в том, что надеялся, что я его так же люблю. Это главное. Затем я выскажусь о его отрицательных сторонах, которые составляют предмет нашей переписки и которых, к слову сказать, было в нем гораздо меньше, чем во мне, но тем не менее были, как они есть у всякого человека, как бы высоко он ни поднялся. Затрону его слабые стороны только постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы осветить данный случай, так как в высшей степени важно устранить здесь возможность всякого недоразумения.

Он в этом вопросе совершенно ошибался и судил, как у нас говорится «с кондачка» т. е. опрометчиво. Находясь в последний период жизни Льва Николаевича вдали от него и только бывая у него как бы налетами, второпях, он составил себе совершенно превратное представление о том, что происходило последнее время в Ясной Поляне. Он даже думал, что там образовались какие-то две партии, как он прямо и заявил в своей биографии. В действительности, была группа истинных, духовных друзей Льва Николаевича, которые старались только об одном — о точном приведении в исполнение его воли и информировали его о том, как другие всякими ухищрениями старались ее обойти. Кроме того, Павел Иванович в то время имел некоторое предубеждение против меня лично, вследствие ревности, которую он чувствовал ко мне в связи со Львом Николаевичем, как он очень трогательно потом признавался мне в двух письмах. Это его чувство длилось у него еще и долго после смерти Льва Николаевича. В течение целых десяти лет после, он, писавший биографию Толстого, ни разу не справился ни у меня, ни у моей жены о том, что происходило в Ясной Поляне в последние месяцы жизни Льва Николаевича, между тем, как именно мы были из числа тех немногих лиц, которые могли бы беспристрастнее всего снабдить его самыми достоверными и точными сведениями. С другой стороны, в течение этих десяти лет он очень близко общался с врагами души Толстого, которые неотступно травили меня, и, наслушавшись разных неосновательных сплетен и прямых клевет, он, не подумав спросить у меня самого объяснения моего поведения, и, вероятно, решив, что какая-нибудь доля из нареканий против меня должна же быть справедлива, написал в биографии своей описание этого периода, изложив часть этих небылиц, вследствие чего, во-первых, совершенно исказил духовный облик Льва Николаевича, который без всякого перерыва подымался духовно все выше и выше до самого дня своей

смерти. Из повествования же Павла Ивановича выходит, что он обратился в какого-то дряхлого старика, который настолько опустил, что подпал под пагубное влияние мое и моих друзей. Наконец, спустя десять лет после смерти Толстого, он прислал моей жене прочесть корректуру своего изложения последнего периода жизни Толстого, и она была поражена и глубоко возмущена, увидав там в наборе целый ряд клевет, которых Бирюков наслышался от враждебно настроенных ко мне врагов души Толстого. Она тотчас же написала ему откровенное письмо, изложив всю правду, как что на самом деле было, и Павел Иванович имел добросовестность все указанные ею места выпустить или изменить, согласно ее исправлениям. Но сделал он это накануне отъезда в деревню и, кажется, уже отослав первоначальную корректуру в Японию, где книга и была немедленно напечатана, представляя из себя на вечные времена памятник зарождения клеветы относительно духовного состояния Толстого за последнее время перед его смертью. Это, во-первых, а, во-вторых, все измененные или вычеркнутые им места рассказывали о том, какое нехорошее влияние имел на Толстого я, когда в действительности, разумеется, не я имел влияние на него, а он на меня и при том самое благодетельное. К тому же по своей небрежности Павел Иванович не вычеркнул свое замечание в начале этого отдела о том, что я имел на Льва Николаевича нежелательное влияние, хотя утверждение это, после исправления указанных моей женой мест, оказалось вполне голословным, и осталось пятном в его биографии, внушающим впечатление, что Толстой к концу своей жизни ослабел духом, когда в действительности все дело в том, что его ученик и друг Бирюков не сумел понять Толстого в это самое трудное время его жизни. (Впоследствии Бирюков, по моей просьбе, оставил мне письмо, в котором он просит будущих издателей его биографии вычеркнуть это место).

В своем ответном к вам письме Павел Иванович проявляет одну ошибку, очень для нас поучительную и которой вообще следует остерегаться всем нам, сколько-нибудь причастным к духовной жизни, а именно:

Мы склонны бываем думать, что нам присущи в известные времена такие божеские состояния, в которых мы чувствуем столь духовное удовлетворение, что убеждены в том, что мысли, побуждения и поступки наши в эти минуты должны быть безусловно правильны и хороши. А между тем, мы всегда остаемся людьми, способными грешить и ошибаться во время самых лучших наших духовных подъемов. Бирюков пишет вам, что, когда писал «Биографию», «чувствовал большой подъем духа, это было поистине вдохновение. Мне кажется, что это писал кто-то другой. Бог помог мне сделать это. Я воздаю ему хвалу». И в

этой биографии он собирался поместить сведения о никогда не бывшей слабости Толстого, причем он оставил по ошибке в тексте утверждение, что Толстой был так слаб духовно, что мог поддаться плохому влиянию третьего лица, и что Толстой поступил неправильно перед Богом, покинув Ясную Поляну, когда почувствовал, что время для того настало!

Простите меня, пожалуйста, что я расписался так подробно. Но весь вопрос этот мне очень близок к сердцу, а ваше письмо тронуло меня вашим серьезным, вдумчивым и осторожным отношением к нему. Вот мне и хотелось воспользоваться этим случаем, чтобы высказать то, что у меня давно выпрашивалось из души. Я не жалею, что написал вам все это. Оно может в свое время и на своем месте послужит объяснением крупного недоразумения, а именно, каким образом мог первый и ближайший биограф Толстого, начавший свой труд в духе почти подобострастного к нему, закончить такой ошибкой и притом поставивши себя в положение судьи над душой того самого человека, которому он обязан своим собственным коренным духовным переворотом, ибо П. И. Бирюков был «толстовцем» даже в узком, нежелательном смысле этого слова; и если поглубже разобраться, то именно от того-то, главным образом, он и втянулся в эту свою ошибку.

Кстати, у меня сохранился черновой материал того письма моей жены к Бирюкову, в котором она ему указала на все те ложные утверждения в его повествовании о последнем периоде жизни Льва Николаевича, в которые он дал себя втянуть в течение десяти лет после смерти Толстого тем, что во все это время он не общался с нами в этой области, но вместе с тем наслушался всяких сплетен и клевет недоброжелательных к Толстому и ко мне, т. е. именно то письмо моей жены, вследствие которого он и сделал в последнюю минуту сокращения и изменения в своей биографии.

Что касается до Павла Ивановича как человека вообще, то я могу только кончить тем самым, с чего я начал, а именно, что в нем очень счастливо сочетались самые редкие духовные достоинства, что он в этом отношении поднимался все выше и выше и что мне далеко до той высоты, которой он достиг.

Любящий вас
В. Чертков

Письмо Н. Н. Гусева к Э. Левинкасу от 12 марта 1938 г.

Получил два ваших письма, дорогой Эдуард. Посылаю вам цензурные пропуски письма Л. Н. Толстого о воспитании. На ваш вопрос, что вам лучше перевести на литовский язык: статью Льва Николаевича

«О науке и искусстве» или позднейшую его статью «О науке», отвечаю так: это зависит от того, кто является читателями того журнала, в котором вы хотите поместить свою статью. В статье «О науке и искусстве» говорится больше об искусстве; если читатели журнала — люди умственно утонченные, то эта статья будет им более интересна. Для широкого же круга читателей важнее статья «О науке»; взгляд Льва Николаевича на науку изложен в ней гораздо полнее и систематичнее.

Если вы занимаетесь педагогическими вопросами, то посылаю вам составленную мною несколько лет тому назад книжку «Педагогические высказывания Толстого». Это своего рода краткая педагогическая хрестоматия из Толстого. Я думаю, что она была бы небезынтересна и для литовских педагогов. Предисловие к ней редактора Пиньевича написано без моего участия; я, конечно, не могу согласиться с его взглядом, что нам теперь «почти нечему учиться у Толстого-педагога», как и с другими его утверждениями.

Если у вас есть лишний экземпляр вашей статьи о В. Г. Черткове, пришлите мне его вместе с переводом.

Желаю вам всего хорошего. Передайте мой привет вашей жене.

С любовью
Н. Гусев

Письмо Н. Н. Гусева к Э. Левинскому от 13 ноября 1939 г.

Простите, дорогой Эдуард, что долго не отвечал на ваше письмо. Вашу вторую статью о В. Г. Черткове получил в свое время; она так же хороша, как и первая. Фактических поправок к ней у меня нет; посоветовал бы только употреблять менее сильные выражения, избегая таких характеристик как «колоссальный» и т. п. Это было бы и ближе к действительности, и более соответствовало бы тому тону «правды и простоты», в котором учил нас писать Л. Н. Толстой.

Обе ваши статьи я передал в Литературный Музей, где теперь хранится архив В. Г. Черткова, передаваемый туда по частям его сыном В. В. Чертковым.

Прошлый раз я писал вам о недавно вышедшей книге «Летописи Литературного Музея» о Толстом, в которой для вас было бы много интересного, в частности и для ваших переводов. К сожалению, я в свое время не закупил нескольких экземпляров, надеясь на то, что книга сравнительно дорога (25 рублей), и потому всегда успею. Но книга разошлась очень быстро, и теперь не попадается даже в букинистических магазинах. Если только попадется мне экземпляр, непременно pošлю вам.

перечислю в отдельном письме. Передайте мой привет вашей жене
и товарищам. С любовью
Н. Гусев

Желаю вам всего хорошего. Передайте мой привет вашей жене
и товарищам.

13 ноября 1939.

С любовью
Н. Гусев

13 ноября
1939.

Желаю вам всего хорошего. Передайте мой привет вашей жене
и товарищам.

13 ноября 1939.

С любовью
Н. Гусев

Письмо Н. Н. Гусева к Э. Левинкасу от 14 ноября 1957 г.

Дорогой Эдуард Михайлович!

Очень рад был вашему письму. Вы пишете о моей книге: «Второй том «Биографии» я читаю с большим удовольствием и пользой: у меня расширяется кругозор, и так ярко я вижу, каким хорошим был человеком Лев Николаевич уже в молодости, и что многие его мысли, чувства и стремления были те же, что и в старости».

Мне было очень приятно прочесть в вашем письме эти строки. Действительно, это — одна из задач, которые я ставлю себе в своей работе, — показать, насколько я смогу, благородство душевного облика Тол-

стого еще до происшедшего в нем перелома. Очень рад, если мне, хотя бы в малой степени, удалось этого достигнуть.

Беда в том, что Лев Николаевич сам — частью из христианского смирения, а частью по свойству своей натуры — любил расписывать себя в черных красках. Для него это было очень полезно тем, что усиливало смирение и уменьшало стремление к славе. Но для читателей его сочинений это было положительно вредно. Постоянно приходится слышать от образованных людей, с которыми я часто встречаюсь, самые превратные суждения о молодом Толстом, основанные на его же собственных словах.

Интересующие вас тома Полного собрания сочинений — 28 и 42 (второй том «Круга чтения») еще не поступили в продажу, хотя уже отпечатаны. Возможно, что в конце этого месяца они появятся в книжных магазинах, и тогда вы их немедленно получите.

Том 37 пошлю вам. Это — очень важный том: в нем помещена статья «Закон насилия и закон любви», содержащая самое полное и обстоятельное обоснование отрицания насилия, сделанное с большой силой и убедительностью.

«Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», первый том, сдана мною в издательство, но появится не ранее, как через год.

Деньги, вами посланные, все получил.

Желаю вам и Леве всего хорошего.

14 ноября 1957 г.

С любовью
Н. Гусев

Письмо Н. Н. Гусева к Э. Левинскому от 28 февраля 1961 года

Дорогой Эдуард Михайлович!

Получил ваше большое письмо и очень благодарен вам, что вы его написали. Я очень рад был поглубже заглянуть в вашу душу, и именно ваше письмо особенно помогло этому.

На нашем дружеском собрании 20 ноября у Миши Горбунова я говорил между прочим о том, как нравственное учение Толстого, хотя и медленно, хотя и некоторыми отдельными вспышками, просачивается в нашу жизнь.

В прошлом году в «Литературной газете» была статья критика Юзовского о «Живом трупe», в которой он писал, что нам не обойтись без морального учения Толстого. Правда, он при этом делал всевозможные оговорки, что мы, мол, конечно, не все принимаем у Толстого. Но все-таки сам факт обращения к нравственному учению

Толстого единственный, которого сорок два года никогда не было в советской прессе.

Потом я прочитал ту превосходную выдержку из юбилейной статьи в «Известиях», которую и вам выписал Михаил Иванович, где можно было прочесть эти замечательные слова, что у Толстого люди будут учиться «непримиримости к злу и ненависти к гнету».

Формулировка «непримиримость к злу» ударяет как раз по тому зубоскальству, которое в бесчисленном количестве газетных и журнальных статей уже много лет раздается относительно учения о непротivлении злу насилieм.

Теперь бы я еще указал на то, что в статье Смирнова-Черкизова в «Литературной газете» от 7 января текущего года содержится призыв к нравственному совершенствованию. Это уже взято прямо у Толстого в той самой формулировке, в которой и Лев Николаевич много раз писал о необходимости внутренней работы над собою.

Все это, конечно, только искорки, но и искры в конце концов вырастают в пламя.

Очень рад, что вы согласны со мною по вопросу о значении для нравственной жизни художественных произведений Толстого. Действительно, хотя сам Лев Николаевич при своем беспощадном отношении к себе самому и отстранялся от своих художественных произведений первого периода, но действительно права была Мария Александровна Шмидт, когда говорила, что в этих произведениях «тот же Лев Николаевич».

В двух томах моей «Биографии Л. Н. Толстого» я старался показать в этих первых его художественных произведениях те же нравственные основы, какие с еще большей силой были выражены им в произведениях последнего периода.

Совершенно согласен с вами также относительно того, что слова Льва Николаевича о его отношении к Софье Андреевне, записанные Христо Досевым, очень слабо и неполно выражают его действительное отношение к своей жене. Основное, что в данном случае надо помнить и не забывать, это то, что писал Толстой в дневнике — что он опутан сетями, которые не может разрушить не по недостатку сил, а потому, что ему жалко пауков, которые соткали эти сети. В этом основа того, почему Лев Николаевич в течение тридцати лет терпел невыносимую для него барскую обстановку и решил на уход из Ясной Поляны только тогда, когда почувствовал, что он нравственно может это сделать.

Еще раз благодарю вас за ваше письмо и буду рад, если при случае опять порадуете меня таким же обширным и серьезным письмом.
28 февраля 1961 года

Ваш Н. Г.

Письмо Н. Н. Гусева к Э. Левинскому от 9 февраля 1963 г.

Ой, ой, ой, как давно я вам не писал, дорогой Эдуард Михайлович! Шутка-ли — накопились 4 неотвеченных вам письма. Но я когда-то писал вам, что мне иногда приходится запаздывать с ответами на письма, и в таких случаях я спешу скорей удовлетворить незнакомых корреспондентов, потому что они обижаются, долго не получая ответа, а друзья, особенно, такие испытанные, как вы, — не обидятся.

3-й том моей биографии Толстого, который почти год странствовал по редакторам, рецензентам и вычитывальщикам, наконец благополучно осел в издательстве и, как говорит заведующий отделом литературы издательства Академии Наук, скоро будет сдан в набор, а выход назначен на IV квартал этого года.

Вы пишете, что мне будет трудно с этим томом, то-есть, что том может встретить возражения со стороны редакторов, стоящих на иной точке зрения. Представьте себе, что этого совершенно не случилось. Все-таки время теперь иное, чем было в 1954 году. Кроме того, в издательстве уже привыкли к содержанию и форме моих предшествующих томов и уже мирятся в моих книгах с тем, с чем у другого автора не примирились бы. И книга без всяких исключений принята к печати. Заведующий литературным отделом издательства предписал редактору, назначенному издательством, следить только за внешней стороной — знаками препинания, точностью цитат и проч., но никаких изменений в тексте книги не делать. Так было сказано редактору издательства. А редакторы Института с самого начала моей работы были вполне настроены в мою пользу. Так что, если будем живы-здоровы, надеюсь в конце этого года преподнести вам мой 3-й том.

Вы совершенно правы, высказывая недовольство статьями о Толстом, напечатанными в журнале «Литературное наследство». «Слов» о Толстом» Леонова, конечно, не дает настоящего Толстого. Сравнение Толстого с Гоголем не выдерживает никакой критики. Гоголь после обращения к вере не написал ничего значительного; второй том его «Мертвых душ», написанный после обращения, оказался произведением очень слабым. А Толстой после происшедшего в нем переворота написал так много гениальных повестей, драматических произведений, публицистических статей, роман «Воскресение», что параллели с Гоголем, которые делает Леонов, надо признать совершенно неудачными. Очень странно, что Леонов находит у Толстого «нечитаемые тома». Те, кто считает какие бы то ни было тома произведений Толстого «нечитаемыми», обнаруживает этим только узость своего кругозора.

Очень плоха статья Асмуса «Мировоззрение Толстого». Он начинает свою статью с указаний «противоречий Толстого». Но ведь видят у Толстого «противоречия» те, кто судит о нем не с его, а со своей точки зрения, противоположной Толстому. А с точки зрения самого Толстого никаких противоречий у него нет. А если они есть, то только по совершенно второстепенным вопросам. Но Толстой никогда не обещался говорить о явлениях жизни не со своей, а с чужой точки зрения.

Кроме того, стоя даже на миросозерцании Асмуса, никак нельзя было начинать работу с указаний на «противоречия» Толстого. Ведь и марксизм, в лице Ленина, находит у Толстого не одни противоречия. Ленин ведь писал, что в наследстве Толстого «не все отошло в прошлое, а есть то, что принадлежит будущему». Вот с этого-то, принадлежащего, по словам Ленина, будущему в произведениях Толстого и должен был Асмус начать свою статью, а не повторять трафаретные слова о «противоречиях» Толстого.

Справедливы ваши замечания и относительно дневника М. С. Сухотина. В этом дневнике он выступает, конечно, как консерватор и помещик, но есть в его дневнике и превосходные места. К таким я отношу, например, его наблюдение, что работа Льва Николаевича над самим собой не пропала даром и что в последние годы это был уже совсем не тот граф Лев Толстой, каким он был в молодости.

Прав Сухотин и в том, что он считает Толстого и Черткова с его книжкой «Наша революция» настоящими революционерами. Очень ярко и правдиво показаны Сухотиным отношения Льва Николаевича к Софье Андреевне в последние годы его жизни. И много еще существенных и важных штрихов, касающихся личности, жизни и произведения Толстого записано у его зятя.

Вы пишете, что запись в моей «Летописи» от 10 марта 1894 года, по которой Толстой рекомендовал рабочим прочитать Лассалья, вам не понятна. Я понимаю эту запись таким образом. Речь шла не вообще о положении рабочего в нашей стране. Но вот те рабочие, которые приходили к Толстому, спрашивали его, как им, этой небольшой группе рабочих, вот теперь избавиться от нужды. Ответ Толстого понятен. Действительно, его указание на то, что рабочие сами должны, как он писал, «очиститься», то-есть не принимать участия в насилии правительства и правящих классов,— в данном случае не подходило к положению. Надо было указать рабочим какой-то в данную минуту выход, ведущий к улучшению их материального положения. Лассаль был проповедником рабочей кооперации; очевидно, и Лев Николаевич рекомендовал пришедшим к нему рабочим то же начинание.

Посылаю вам, дорогой друг, присланное мне вами когда-то письмо Владимира Григорьевича к вам. Оно совсем выцвело. Мы его здесь переписали, и я посылаю вам и оригинал, и переписанную копию. Письмо содержит очень верную характеристику ренегата Булгакова.

Пожалуйста пишите — буду отвечать.

Ваш старый друг Н. Г.

9 февраля 1963